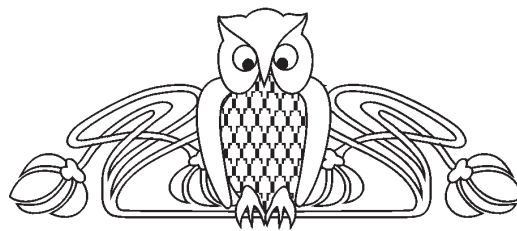

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 4 (40). С. 323–333
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2021, vol. 10, iss. 4 (40), pp. 323–333
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333>

Научная статья
УДК 159.9

Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи

Ж. Ж. Ромашева¹, О. В. Калининченко², И. В. Малышев³

¹Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

²Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, г. Владивосток, п. Аякс, д. 10

³Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ромашева Жангуль Жумабековна, аспирант, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, zhanagul.rom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8609-2676>

Калининченко Ольга Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии развития, kalynich1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3392-6083>

Малышев Иван Викторович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогической психологии и психодиагностики, iv.999@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4191-6555>

Аннотация. Неоднозначность и противоречивость данных о связи эмиграционных установок с метаценностями побуждает к исследованию связи эмиграционных установок с базовыми ценностями и актуализирует проблему исследования детерминированности установок молодежи на эмиграцию. *Цель* – определение характера связи базовых ценностей с эмиграционными установками. *Гипотезы:* 1) базовые ценности, составляющие метаценности, выступают предикторами эмиграционных установок; 2) базовые ценности, входящие в блок противоречащих друг другу метаценностей сохранения и открытости изменениям, связаны с эмиграционными установками и при этом характер их связей различен; 3) базовые ценности, составляющие метаценность самоутверждения, положительно связаны с эмиграционными установками. Исследование выполнено на выборке (N = 646) в возрасте 17–35 лет, в числе которых 78% (504) женщин. Применены: «Шкала миграционных установок» (С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фещенко), модифицированная для изучения эмиграционных установок; PVQ-21–ESS7 – версия опросника измерения индивидуальных ценностей (Ш. Шварц), позволяющего зафиксировать степень выраженности ценностей; метод множественного линейного регрессионного анализа. Показано, что среди компонентов эмиграционных установок (установка субъекта, установка близких, ожидания близких) больше всего выражена установка субъекта. В выявленные связи эмиграционных установок с метаценностями значительный вклад вносят такие базовые ценности, как: *традиции и безопасности* – с метаценностью сохранения (отрицательная связь); *стимуляции* – с метаценностью открытости изменениям (положительная связь); *власти* – с метаценностью самоутверждения (положительная связь). Установлено, что молодые люди планируют эмиграцию в большей степени исходя из личных установок и побуждений, чем близкого окружения. Установку на эмиграцию выражают те молодые люди, которые: 1) в меньшей степени ориентированы на традиции и обычаи и ценят безопасность; 2) стремятся к наполненности жизни новыми ощущениями и эмоциями; 3) ценят материальное благополучие. Результаты исследования показывают факторы возникновения у молодежи установки на эмиграцию, и данные знания можно использовать для предсказания международной мобильности молодежи, а также в психологической работе с потенциальными эмигрантами.

Ключевые слова: эмиграция, эмиграционная установка, базовые ценности, эмиграционное поведение, российская молодежь

Информация о вкладе каждого автора: Ж. Ж. Ромашева – концепция, дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; О. В. Калининченко и И. В. Малышев – сбор и обработка эмпирического материала.

Благодарности: Авторы выражают огромную благодарность коллегам за помощь в сборе материала в российских регионах: доценту Е. М. Громовой (Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова), профессору Р. И. Зинуровой (Казанский национальный исследовательский технологический университет), доценту Ю. В. Лебедевой (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина), доценту Л. В. Намруевой (Калмыцкий научный центр Российской академии наук), доценту А. И. Троянской (Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова), доценту О. Р. Тучиной (Кубанский государственный технологический университет), доценту С. В. Фроловой (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского).

Для цитирования: Ромашева Ж. Ж., Калининченко О. В., Малышев И. В. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 4 (40). С. 323–333. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Connection between basic values and emigration attitudes of Russian youth

Zh. Zh. Romasheva¹, O. V. Kalinichenko², I. V. Malyshev³

¹Moscow State Psychological and Pedagogical University, 29 Sretenka St., Moscow 127051, Russia

²Far Eastern Federal University, 10 Ajax Bay, Vladivostok 690922, Russia

³Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Zhanagul Zh. Romasheva, zhanagul.rom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8609-2676>

Olga V. Kalinichenko, kalynich1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3392-6083>

Ivan V. Malyshev, iv.999@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4191-6555>

Abstract. The ambiguity and inconsistency of the data on the connection between emigration attitudes and metavalues spurs the research on the relation between emigration attitudes and basic values. Hence, the problem of studying the deterministic character of youth attitudes to emigration is seen as of relevance. The purpose of this research is to determine the nature of the connection between basic values and emigration attitudes. Hypotheses: 1. The basic values that make up metavalues act as the predictors of emigration attitudes. 2. The basic values constituting the contrastive metavalues of Preservation and Openness to Change are simultaneously connected with emigration attitudes, and the nature of their connections is different. 3. The basic values constituting the metavalues of Self-Affirmation have a positive correlation with emigration attitudes. The study is carried out on a sample of respondents (N = 646) aged 17 to 35, including 78% (504) of women. The research applies the "Scales of Migration Attitudes" (S. A. Kuznetsova, I. Yu. Kuznetsov, A. V. Feshchenko) modified to study emigration attitudes. The study also uses PVQ-21–ESS7 versions of the questionnaire measuring individual values (Sh. Schwartz) which enables to document the degree of expression of values. Finally, the research makes use of the method of multiple linear regression analysis. The results show that the attitude of the subject is the most pronounced one among all other components of emigration attitudes (the attitude of the loved ones, the expectations of the loved ones). Basic values have a major impact on the revealed connections between emigration attitudes and metavalues. For example, the values of tradition and security have a negative correlation with the metavalues of Preservation. The values of stimulation have a positive correlation with the metavalues of Openness to Change. The values of power have a positive correlation with the metavalues of Self-Affirmation. Evidently, young adults are more likely to plan to emigrate due to their personal attitudes and motives rather than to those of their close environment. Attitudes towards emigration are expressed by those young adults who: 1) are less focused on traditions and customs but appreciate security; 2) strive to enrich their lives with new sensations and emotions; 3) appreciate material well-being. The results of the study reveal the factors contributing to the emergence of attitudes to emigration in young adults. The results of the study can be used to predict international mobility of young adults. Additionally, they are of importance for the psychological work with potential emigrants.

Keywords: emigration, emigration attitude, basic values, emigration behavior, the Russian youth

Information on authors' contribution: Zh. Zh. Romasheva came up with the concept and design of the research, performed the data analysis, wrote the manuscript; O. V. Kalinichenko and I. V. Malyshev collected and processed empirical data.

Acknowledgements: The authors express their gratitude to their colleagues for their help in collecting data in the Russian regions, namely to Associate Professor E. M. Gromova (Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov), Professor R. I. Zinurova (Kazan National Research Technological University), Associate Professor Yu. V. Lebedeva (Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin), Associate Professor L. V. Namrueva (Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Associate Professor A. I. Troyanskaya (Kalashnikov Izhevsk State Technical University), Associate Professor O. R. Tuchina (Kuban State Technological University), Associate Professor S. V. Frolova (Saratov State University).

For citation: Romasheva Zh. Zh., Kalinichenko O. V., Malyshev I. V. Connection between basic values and emigration attitudes of Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, iss. 4 (40), pp. 323–333 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема эмиграции сегодня является одной из самых актуальных и интересует исследователей из разных сфер научной деятельности, что обусловлено процессами мировой глобализации. Теоретический анализ социально-демографических особенностей людей, настроенных на миграцию, показал, что чаще всего решение о переезде за границу принимают молодые, образованные и экономически активные жители страны, а с возрастом вероятность миграции уменьшается [1–4]. Молодые мигранты составляют значительную часть ежегодных миграционных перемещений. Так, по данным Международной организа-

ции по миграции на 2019 г. около 30% общего из 272 млн международных мигрантов приходилось на возрастную группу от 20 до 30 лет [5, с. 22]. Из России, по последним данным Росстата, за 2018 г. эмигрировало 4 млн 787 человек [6]. Среди выразивших желание уехать за границу значительную часть составляет молодежь, при этом 38% молодых людей в возрасте 18–24 года и 31% – в возрасте 25–34 года [7]. Молодежь характеризуется высокой адаптивностью к принимающему обществу, легкостью взаимодействия с местными жителями, представляет наиболее мобильную категорию населения, чаще всего не связанную брачно-семейными узами, что способствует эмиграции. Проблема эмиграции

раскрывается в исследованиях, посвященных психологическим особенностям мигрантов, их адаптации, аккультурации. Однако наблюдается недостаточная изученность вопросов мотивации, социально-психологических факторов эмиграционного поведения. В свою очередь, пониманию мотивов эмиграции может способствовать изучение эмиграционных установок [8].

Эмиграционные установки

Прежде всего определим возможность использования понятий «миграция» и «эмиграция» как взаимозаменяемых. Л. Л. Рыбаковский под миграцией подразумевает процесс территориального перемещения с одного места жительства на другое с фиксацией факта переселения. При этом не имеет значения, происходит перемещение *внутри страны* или *за ее пределы* [9], что дает повод рассматривать процессы миграции и эмиграции как идентичные, исходя из чего мы применяем понятие «эмиграционная установка» равнозначно понятию «миграционная установка».

В основе нашего исследования лежит понимание миграционной установки как одного из видов социальной установки, которая представляет собой установочную систему и имеет четырехкомпонентную структуру, состоящую из когнитивного (сознательное восприятие объекта), эмоционального (эмоциональное восприятие объекта, проявление чувств, эмоций по отношению к объекту), интенционального (намерение действовать в отношении объекта) и конативного (готовность предпринимать действия в отношении объекта) компонентов [10–12].

Миграционные / эмиграционные установки обладают такими характерными особенностями, как свернутая полиобъектность и свернутая полисубъектность. Под свернутой полиобъектностью понимается то, что объектом эмиграционной установки выступает система, включающая актуальное и альтернативное места проживания, сопоставляемые друг с другом. Свернутая полисубъектность выражается в том, что на возникновение установки эмигрировать влияют, во-первых, ожидания близких людей потенциального мигранта относительно эмиграции, а во-вторых, наличие эмиграционных установок у значимого окружения потенциального мигранта [10–12].

Особое внимание хочется обратить на один из важных компонентов эмиграционных установок – эмиграционное намерение. Намерение, будучи «сознательным решением, выполняющее планирование и побуждение поведения и деятельности» [13, с. 75], стремление к завершению намеченного действия [4], в большинстве случаев предсказывает будущее поведение человека [14]. В нашей работе мы ориентируемся на результаты исследований, посвященных не только эмиграционным установкам [10, 11, 12, 15], но и эмиграционным намерениям [1, 2, 4].

Авторы этих исследований отмечают, что люди с эмиграционными установками, намерениями очень близки к заключительному этапу эмиграционного поведения, однако этого недостаточно для перехода к реальным действиям [16–18]. Сформированность эмиграционных установок, намерений определяется разными социально-психологическими факторами, такими как субъективное благополучие [15, 19, 20], наличие социальных связей [1, 21], социальный капитал [21–24], ценностные ориентации [4, 17, 23, 25, 26].

В свою очередь, ценности обладают высокой предсказательной силой эмиграционной активности [27] и, следовательно, возникновения эмиграционных установок. Обычно люди стремятся реализовать свои цели и выразить свои ценности на родной земле. Однако если жизнь в собственной стране не удовлетворяет или ставится под угрозу достижение заветных целей, некоторые люди приспособляются, эмигрируя. Они эмигрируют, преследуя свои жизненные цели, чтобы лучше выразить или защитить свои ценности.

Ценности как предиктор эмиграционных установок

Настоящее исследование основано на теории ценностей Шварца [28, 29], получившей широкое распространение и подробно представленной во многих работах [4, 26, 30, 31].

Ценности рассматриваются в качестве регулятора поведения личности в самых разных сферах ее жизнедеятельности [30–32], в том числе и эмиграционного поведения [4]. Так, переезд из страны проживания в другую страну может способствовать достижению некоторых общих мотивационных целей, выражающих ценности личности, в то же время препятствуя достижению других [25]. Таким образом, личные ценностные предпочтения могут оказать влияние на решение людей эмигрировать или остаться в стране проживания [26]. Наибольшей предсказательной силой эмиграционного поведения обладают ценности высшего порядка, или метачценности, – *открытости изменениям и сохранения*. Так, кардинальные социальные изменения, с которыми сталкивается мигрант, совместимы с реализацией мотивационных целей, выраженных в ценности открытости изменениям (поиск новых идей и впечатлений), и в то же время могут помешать реализации мотивационных целей, выраженных в ценностях сохранения (сохранение статус-кво) [33]. Что касается метачценностей *самопреодоления и самоутверждения*, ориентация на самоутверждение связана с более сильной мотивацией к эмиграции [18, 25, 29, 33]. Это объясняется тем, что в большинстве случаев эмигранты переезжают из бедных стран в более богатые, следовательно, эмиграция обычно улучшает их финансовое положение и повышает уровень жизни [1, 2]. Как видно, в большинстве работ в качестве мотивов эмиграции изучаются

метаценности [4, 25, 26], мы же поставили целью изучение связи составляющих метаценности базовых ценностей с установками к эмиграции. По нашему мнению, изучение характера данной связи покажет вклад каждой из базовых ценностей, входящих в ту или иную метаценность, в формирование эмиграционных установок и даст более глубокое понимание мотивации потенциальных мигрантов.

Целью исследования является определение характера связи базовых ценностей с эмиграционными установками.

Гипотезы исследования:

1) базовые ценности, составляющие метаценности, выступают предикторами эмиграционных установок;

2) базовые ценности, входящие в блок противоречащих друг другу метаценностей сохранения и открытости изменениям, связаны с эмиграционными установками одновременно и характер их связей различен;

3) базовые ценности, составляющие метаценность самоутверждения, положительно связаны с эмиграционными установками.

Материалы

Процедура. Социально-психологический опрос проведен с помощью онлайн-сервиса Google Forms. Опрос проводился преимущественно среди студентов образовательных учреждений. Ссылка на прохождение опроса распространялась через электронную почту и социальные сети. Опрос проводился с декабря 2020 г. по март 2021 г.

Выборка. В исследовании приняли участие 646 человек из Московской, Саратовской, Ростовской, Ульяновской, Свердловской, Челябинской, Самарской областей, Приморского, Краснодарского краев, республик Калмыкия, Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, из них 22% мужчин (142 человека) и 78% женщин (504 человека), в возрасте от 17 до 35 лет. Средний возраст составляет 20,4 года ($SD = 4,09$). Все респонденты идентифицировали себя как русские.

Методики. Для исследования значимости индивидуальных ценностей молодых людей была использована PVQ-21-ESS7 – версия опросника измерения индивидуальных ценностей (Ш. Шварц), включающая 21 утверждение [34, с. 34]. Каждая базовая ценность из 10 оценивается с помощью двух или трех утверждений, описывающих человека. Степень сходства предложенных портретов с респондентом определяется по 6-балльной шкале, где 1 – совсем не похож, 6 – очень похож. Подсчет индексов ценностей производится путем вычитания от средних значений ответов на 21 вопрос средних значений баллов по двум (трем для универсализма) утверждениям и прибавления 4.

Ниже представлены примеры утверждений и их согласованность:

«Для него / неё важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он / она убежден(а), что у всех должны быть равные возможности в жизни» – пункт ценности «Универсализм» из блока «Самопреодоление» ($\alpha = 0.74$).

«Для него / неё важно быть очень успешным. Он / она надеется, что люди признают его/её достижения» – пункт ценности «Достижение» из блока «Самоутверждение» ($\alpha = 0.72$).

«Он / она ищет любую возможность поселиться. Для него / неё важно заниматься тем, что доставляет ему / ей удовольствие» – пункт ценности «Стимуляция» из блока «Открытость изменениям» ($\alpha = 0.75$).

«Для него / неё важно жить в безопасном окружении. Он / она избегает всего, что может угрожать его / её безопасности» – пункт ценности «Безопасность» из блока «Сохранение» ($\alpha = 0.63$).

Как видим, согласованность достаточно высокая.

Для исследования эмиграционных установок была применена методика «Шкала эмиграционных установок» – модификация «Шкалы миграционных установок» (С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фещенко) [11]. Согласованность утверждений по шкалам, в том числе по интегральной шкале, была проверена с помощью коэффициента α -Кронбаха, коэффициенты приведены ниже. Методика состоит из 36 утверждений, объединенных в 4 шкалы и описывающих отношение респондента к его месту проживания – нынешнему и альтернативному. Для оценки степени согласия с утверждениями использовалась симметричная лайкертова шкала (3210123), где 3 означает, что респондент полностью разделяет утверждение, 2 – вполне согласен с утверждением, 1 – согласен с утверждением в малой степени, 0 – сомневается в выборе утверждения.

Значения по трем шкалам – «Установка субъекта», «Установка близких», «Ожидание близких» – получены методом подсчета суммы баллов по утверждениям, соответствующих данным шкалам. Баллы по четвертой интегративной шкале «Эмиграционная установка» получены с помощью вычисления суммы средних значений по трем вышеназванным шкалам.

Примеры утверждений:

«Я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Россия. – Для реализации моих целей и ценностей больше подходит другая страна»; шкала «Установка субъекта» ($\alpha = 0.95$).

«Для реализации целей и ценностей близких мне людей лучшим местом является Россия. – Для реализации целей и ценностей моих близких больше подходит другая страна»; шкала «Установка близких» ($\alpha = 0.91$).

«По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Россия. – По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другая страна»; шкала «Ожидания близких» ($\alpha = 0.93$).

Методы. Для обработки первичных данных использован множественный линейный регрессионный анализ. Математическая обработка данных производилась с помощью программно-

го обеспечения программы IBM SPSS Statistics 26.00 Windows. Для выявления согласованности утверждений опросников применялся коэффициент α -Кронбаха.

Результаты

В табл. 1 представлены средние показатели и стандартные отклонения для эмиграционной установки и базовых ценностей.

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика (N = 646)

Descriptive statistics (N = 646)

Ценность	Метаценность	M	SD	Ранг
Самостоятельность	Открытость изменениям	4,26	,79	4
Стимуляция		3,76	1,03	7
Гедонизм		4,18	,86	6
Безопасность	Сохранение	4,50	,79	1
Традиция		3,37	1,09	9
Конформизм		3,10	1,11	10
Универсализм	Самопреодоление	4,38	,68	2
Благожелательность		4,31	,72	3
Достижение	Самоутверждение	4,25	,79	5
Власть		3,71	,89	8
Эмиграционные установки				
Установка субъекта	Компоненты эмиграционной установки	48,45	18,55	1
Установка близких		43,49	15,64	3
Ожидания близких		45,18	16,91	2
Эмиграционная установка	Интегративная шкала	137,12	47,38	

Представленные в табл. 1 средние значения по выборке говорят о следующем: наименее важными ценностями для молодых людей оказались *конформность* (3,10), *традиция* (3,37), *власть* (3,71), наиболее значимыми – *безопасность* (4,50), *универсализм* (4,38), *благожелательность* (4,31). Степень выраженности эмиграционных установок (137,12) отражает интегративная шкала. Анализ компонентов эмиграционной установки показал: наиболее выражена установка субъекта (48,45), менее выражены ожидания близких (45,18) и наименее выражена установка близких (43,49).

Полученные результаты (табл. 2) свидетельствуют о том, что имеется связь эмиграционных установок с метаценностями сохранения (–,206); открытости изменениям (,141), самоутверждения (,157), составляющими которых являются базовые ценности. Так, связь эмиграционных установок с метаценностью

сохранения определяют ценности *традиции* (–,185) и *безопасности* (,124), с метаценностью самоутверждения – ценность *власти* (,168), с метаценностью открытости изменениям – ценность *стимуляции* (,174). Согласно показателю R^2 (,12), только 12% изменений зависимой переменной (эмиграционных установок) объясняются влиянием независимых переменных (ценностей). При этом наибольший вклад в прогнозирование вариаций эмиграционных установок вносят такие ценности, как *традиция* (–,185), далее *стимуляция* (,174), меньший вклад – *власть* (,168) и наименьший – *безопасность* (,124). С целью получения достоверных результатов ценность *конформности* была исключена из модели, так как выявлена сильная корреляция *конформности* с другими ценностями, что свидетельствует о мультиколлинеарности (допуск коллинеарности 0,000).

Таблица 2 / Table 2

Регрессионный анализ предикторов эмиграционных установок молодежи
Regression analysis of predictors of young adults' emigration attitudes

Независимая переменная	Зависимая переменная – эмиграционная установка		
	β	Укрупненные категории ценностей	β
Ценность безопасности	,124**	Метаценность сохранения	-,206***
Ценность традиции	-,185**		
Ценность благожелательности	-,006	Метаценность самопреодоления	-,054
Ценность универсализма	,088		
Ценность самостоятельности	,005	Метаценность открытости изменениям	,141***
Ценность стимуляции	,174***		
Ценность гедонизма	,013	Метаценность самоутверждения	,157***
Ценность достижения	-,038		
Ценность власти	,168**		
R	,34	–	–
R ²	,12	–	–

Примечание. * – $p < .05$; ** – $p < .01$; *** – $p < .001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии.
 Note. * – $p < .05$; ** – $p < .01$; *** – $p < .001$; β – standardized regression coefficients.

Обсуждение

Показатели эмиграционных установок, полученные с помощью модифицированной методики С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко, мы сравнили с результатами проведенного в 2018 г. исследования миграционных установок студентов одного из авторов методики, обучающихся в Северо-Восточном государственном университете (г. Магадан) [10].

Сравнение результатов изучения установок внутренней и внешней миграции считаем оправданным, т. к. по структуре и характеристикам и те и другие установки тождественны. Как оказалось, миграционные установки магаданских студентов и младших (156,58), и старших (167,11) курсов более выражены в сравнении с эмиграционными установками (137,12) исследуемых нами молодых людей.

Это объясняется, во-первых, тем, что С. А. Кузнецова исследовала миграционные установки молодежи, а как известно, планировать смену места жительства внутри страны намного легче, чем переезд за границу. При планировании эмиграции молодому человеку необходимо приложить немало усилий включая подготовку необходимых документов, изучение языка, законов будущей страны проживания. Помимо прочего, потенциальный эмигрант должен быть психологически готов к смене места жительства – вхождению в новое общество, адаптации к иной культуре. С учетом вышеперечисленного не все молодые люди решаются покинуть страну. Во-вторых, свое значение имеют особенности выборки. В

нашем исследовании принимали участие молодые люди из разных регионов страны, живущие в разных социально-экономических (например, Москва и Пенза), климатических (Краснодар и Санкт-Петербург), социокультурных (Татарстан и Приморье) условиях, что, как известно, влияет на возникновение установки эмигрировать [35]. В исследовании же С. А. Кузнецовой приняли участие студенты только из Магаданской области, которая отличается динамичностью процессов внутренней миграции населения. Кроме того, важным фактором, оказавшим влияние на результаты исследования, является возраст. Наиболее миграционно активны студенты и выпускники в первые два года после окончания обучения [1, 17, 36]. С возрастом желание переехать слабеет в силу объективных обстоятельств, таких как создание семьи, наличие стабильной работы [1–3]. В нашем же исследовании принимали участие не только студенты вузов, но и молодые люди более старшего возраста (до 35 лет), что, вероятно, также могло отразиться на снижении выраженности установок на смену места жительства, если сравнивать с магаданскими студентами.

Анализируя выраженность компонентов эмиграционных установок, стоит отметить, что современная российская молодежь (48,45) планирует эмигрировать исходя из личных установок и убеждений. Это объясняется склонностью молодых людей к индивидуализму, проявляющемуся в самостоятельности принятия решений, ориентированности на собственные желания, независимости, а также выраженности субъектности

[37, 38], в то время как магаданские студенты при планировании переезда больше ориентируются на ожидания близких (младшие курсы – 54,5, старшие – 55,87). С. А. Кузнецова объясняет это надеждой родителей на переезд своих детей из Магадана в европейскую часть России с целью повышения уровня жизни, получения качественного образования, реализации личностного потенциала [12].

По результатам нашего исследования иерархия ценностей российской молодежи (см. табл. 1) соответствует иерархии ценностных ориентаций молодых людей из отдельно взятых регионов, а именно: для московских [39], смоленских [4] студентов ценности традиции, власти и конформности определяются, как и в нашем исследовании, как менее значимые и занимают нижние позиции иерархии. На верхних ступенях иерархии располагаются ценности безопасности, универсализма и благожелательности, что также согласуется с данными других авторов [4, 39–41].

Обнаруженная отрицательная связь эмиграционных установок с ценностями высшего порядка *сохранения* подтверждается результатами других исследований [4, 25], причем определяют данную связь, как показывают наши данные, ценности *традиции* и *безопасности*, что свидетельствует о большей направленности на эмиграцию молодых людей, меньше всего ориентированных на обычаи, традиции, существующие в обществе, и больше всего ценящих безопасность. Заметим, что безопасность российской молодежью воспринимается как желаемая, а не реализуемая [42]. Это побуждает молодых людей искать недостающую на родине безопасность в зарубежных странах [43, 44].

В имеющуюся положительную связь эмиграционных установок с метаценностью открытости изменениям [25, 26] значимый вклад вносят только ценности *стимуляции*. Это означает, что молодые люди, для которых важны полнота жизненных ощущений, наполненность жизни приключениями, сильными эмоциональными переживаниями, приобретение новых знаний, идей, овладение новым опытом, чаще задумываются о переезде.

Положительная связь метаценности самоутверждения с эмиграционными установками, выявленная и в других исследованиях [4, 25], определяется только ценностями *власти*. Это свидетельствует о детерминированности эмиграционного поведения российской молодежи направленностью на удовлетворение потребностей в получении социального статуса, престиже, улучшении финансового положения, что, вероятно, с их точки зрения, затруднено в своей стране.

С метаценностью самопреодоления, определяемой ценностями *универсализма* и *благожелательности*, значимой связи не обнаружено, в то

время как в исследовании Н. В. Мурашеновой метаценность самопреодоления выступает предиктором стремления к эмиграции [4]. Объяснение этому мы находим в разнородности выборки. В нашем исследовании помимо студентов принимала участие и более взрослая работающая молодежь (до 35 лет), которая демонстрирует большую рациональность при оценке ситуации в стране, что, вероятно, приводит к меньшему расхождению между идеальным и реальным восприятием социальной действительности, большей удовлетворенности жизнью на Родине и тем самым снижению установок на эмиграцию.

Наши респонденты, помимо прочего, являлись жителями разных регионов России, среди которых фигурируют регионы с довольно высоким качеством и уровнем жизни (Москва, Санкт-Петербург, Казань), что способствует восприятию жизни на родной земле как гармоничной и благополучной для себя и других людей. Так, российская молодежь реализует ценности универсализма и благожелательности на Родине, о чем свидетельствует отсутствие связей с эмиграционными установками.

Выводы

В ходе проведенного исследования был сформулирован следующие выводы.

1. Российская молодежь, продемонстрировавшая установки на эмиграцию, ориентируется на собственные установки, а не установки и ожидания близких, что определено свойственным молодым людям индивидуализмом, отражающимся в независимости, самостоятельности при принятии решений, побуждении к смене места жительства личными интересами и желаниями.

2. Наименее значимыми для молодых людей выступают ценности конформности, традиции, власти, наиболее значимыми – безопасности, универсализма, благожелательности.

3. Обнаруженные положительные связи эмиграционных установок с метаценностями самоутверждения, открытости изменениям и отрицательная связь с метаценностью сохранения согласуются с данными других исследователей. Отсутствующие связи эмиграционных установок с метаценностью самопреодоления и, соответственно, входящими в нее базовыми ценностями, скорее всего, объясняются их реализованностью на Родине.

4. Связи эмиграционных установок с метаценностями сохранения определяют ценности традиции и безопасности, с метаценностями самоутверждения – ценности власти и с метаценностями открытости изменениям – ценности стимуляции.

5. Проведенное исследование подтверждает существование связи эмиграционных установок

с метаценностями, основой которых являются базовые ценности. При этом противоположные друг другу ценности могут быть связаны с установками потенциального эмигранта одновременно и характер связей будет различен. Ценности обладают эвристической, предсказательной силой и являются основным предиктором миграционных установок.

В качестве ограничения нашего исследования отметим несбалансированность выборки по полу – девушки составили 78% общего числа опрошенных.

Перспективным направлением изучения связи ценностей с миграционными установками является исследование влияния различных факторов, в частности уровня институционального доверия, на выявленную связь, степень субъективного благополучия, наличие социальных связей в актуальном и потенциальном местах проживания, что и станет задачей нашего будущего исследования.

Библиографический список

1. *Manchin M., Orazbayev S.* Social networks and the intention to migrate // *World Development*. Elsevier. 2018. Vol. 109, iss. C. P. 360–374. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.05.011
2. *Migali S., Scipioni M.* Who's About to Leave? A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate // *International Migration*. 2019. Vol. 57, iss. 5. P. 181–200. DOI: 10.1111/imig.12617
3. *Abdelwahed A., Goujon A., Jiang L.* The Migration Intentions of Young Egyptians // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, iss. 23. P. 1–38. DOI: 10.3390/su12239803
4. *Мураценкова Н. В.* Взаимосвязь ценностей и миграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12, № 1. С. 77–93. DOI: 10.17759/sps.2021120106
5. *McAuliffe M., Khadria B.* World Migration Report 2020. Migration and migrants: A global overview // *International Organization for Migration*. Geneva, 2020. P. 498.
6. Миграция Росстат: официальный прирост и убыль населения / Федеральная служба государственной статистики. 2020. URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/#:~:text=По%20данным%20федеральных%20статистиков%2C%20в,%20том%20числе%20и%20трудоу,дата%20обращения:30.04.2021>.
7. ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать / Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2020. URL: https://www.znak.com/20200908/vciom_kazhdyu_shestoy_rossiyanin_hochet_emigrirovat (дата обращения: 23.04.2021).
8. *Carling J.* Measuring migration aspirations and related concepts // *MIGNEX Background Paper*. Oslo : Peace Research Institute Oslo, 2019. URL: <http://www.mignex.org/d023> (дата обращения: 23.04.2021).
9. *Рыбаковский Л. Л.* К уточнению понятия «миграция населения» // *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 78–83.
10. *Кузнецова С. А.* Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15, № 1. С. 67–78. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78
11. *Кузнецова С. А., Кузнецов И. Ю., Фещенко А. В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2014. № 1. С. 83–90.
12. *Кузнецова С. А.* Влияние родителей на миграционные образовательные намерения старшеклассников // *European Social Science Journal*. 2017. № 5. С. 529–537.
13. *Джанашиа А. З.* Основные подходы к определению намерения в современных психологических исследованиях // *Вестник МДУ им. А. А. Куляшова*. 2018. № 1 (51). С. 70–77.
14. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. New York : Psychology Press, 2010. 180 p.
15. *Льянов И. М., Верецагина М. В.* Мотивы и мотивационные установки эмиграции граждан из России // *Образовательный вестник «Сознание»*. 2021. Т. 23, № 1. С. 24–30. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-1-24-30
16. *Yijälä A., Jasinskaja-Lahti I.* Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland // *International Journal of Intercultural Relations*. 2010. Vol. 34, iss. 4. P. 326–339. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2009.09.002
17. *Fouarge D., Özer M. N., Seegers P.* Personality traits, migration intentions, and cultural distance // *IZA DP*. 2019. No. 12444. P. 1–38.
18. *Van Dalen H. P., Henkens K.* Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–2010 // *Population Studies: A Journal of Demography*. 2013. Vol. 67, iss. 2. P. 225–241. DOI: 10.1080/00324728.2012.725135
19. *Liu Y., Pan Z. L., Liu Y. Q., Chen H. S., Li Z. G.* Where your heart belongs to shapes how you feel about yourself: Migration, social comparison and subjective well-being in China // *Population Space and Place*. 2020. Vol. 26, iss. 7. DOI: 10.1002/psp.2336
20. *Schiele M.* Life satisfaction and return migration: analysing the role of life satisfaction for migrant return intentions in Germany // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. Vol. 47, iss. 1. P. 110–129. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1763786
21. *Akanle O., Fayeun O. A., Adejare G. S., Orobome O. A.* International Migration, Kinship Networks and Social Capital in Southwestern Nigeria // *Journal of Borderlands Studies*. 2021. Vol. 36, iss. 2. P. 319–332. DOI: 10.1080/08865655.2019.1619475
22. *Tutu R. A., Busingye J. D.* Migration, Social Capital, and Health: Insights from Ghana and Uganda // *Global Perspectives on Health Geography*. Springer, Cham. 2020. P. 23–28. DOI: 10.1007/978-3-030-24693-8_2
23. *Чувашов С. В.* Социально-психологический капитал как фактор миграционных намерений молодежи // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 2. С. 169–177.
24. *Iqbal K., Wang Y. C., Khurshaid K., Haroon Shah M., Sohaib M.* Current Trend and Determinants of Intentions to

- Migrate: Evidence From China // SAGE Open. 2021. Vol. 11, iss. 1. DOI: 10.1177/21582440211001371
25. Tartakovsky E., Schwartz Sh. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. 2001. Vol. 36, iss. 2. P. 88–99. DOI: 10.1080/00207590042000100
 26. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews // International Journal of Intercultural Relations. 2017. Vol. 59, iss. 1. P. 53–67. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.05.002
 27. Schwartz Sh. H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58, no. 5. P. 878–891. DOI: 10.1037/0022-3514.58.5.878
 28. Schwartz Sh. H. Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications [Basic human values: theory, measurement, and applications] // Revue française de sociologie. 2006. Vol. 47, no. 4. P. 249–288. DOI: 10.3917/rfs.474.0929
 29. Schwartz Sh. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlin C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist G. E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103, no. 4. P. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393
 30. Титов А. С., Лешиокова З. Х. Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 3. С. 140–163.
 31. Skimina E., Cieciuch J., Strus W. Traits and values as predictors of the frequency of everyday behavior: Comparison between models and levels // Current Psychology. 2021. Vol. 40, no. 1. P. 133–153. DOI: 10.1007/s12144-018-9892-9
 32. Ahmad W., Kim W. G., Anwer Z., Zhuang W. Q. Schwartz personal values, theory of planned behavior and environmental consciousness: How tourists' visiting intentions towards eco-friendly destinations are shaped? // Journal of Business Research. 2020. Vol. 110. P. 228–236. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.01.040
 33. Leong C.-H. The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore // Immigration: policies, challenges, and impact / ed. E. Tartakovsky. Hauppauge, New York ; Nova Science Publishers, 2013. P. 29–49.
 34. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93). С. 33–58.
 35. Грищенко В. В., Мураценкова Н. В., Ефременкова М. Н. Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 358–366. DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-4-358-366
 36. Gajdošova B., Orosova O. Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students // Československá Psychologie. 2019. Vol. 63, no. 3. P. 249–264.
 37. Корж Н. В. Основные направления формирования патриотического сознания студенческой молодежи: региональный аспект // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 123–130. DOI: doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7925
 38. Селезнева Е. В., Галлере И. Психологический портрет современной молодежи: культурно-инвариантные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. С. 141–155. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 17.03.2021).
 39. Цой Г., Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Сравнительный анализ взаимосвязи ценностей и социально-экономических представлений корейских и российских студентов // Вестник Костромского гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 3. С. 101–107.
 40. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Богдан И. В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 1. С. 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109
 41. Федотова В. А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 82–92. DOI: 10.17759/sps.2016070206
 42. Левицкая Т. Е., Тренькаева Н. А., Козлова Н. В., Богомаз С. А., Цехмейструк Е. А. Безопасность в структуре ценностей молодежи, проживающей в городской среде // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 20–33. DOI: 10.17759/psylaw.2018080403
 43. Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 17–24.
 44. Секач М. Ф., Мостилов С. В. Готовность к риску и психологическая безопасность как предикты миграционных намерений // Человеческий капитал. 2017. № 1 (97). С. 11–13.

References

1. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. *World Development*. Elsevier, 2018, vol. 109, iss. C, pp. 360–374. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.05.011
2. Migali S., Scipioni M. Who's About to Leave? A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate. *International Migration*, 2019, vol. 57, iss. 5, pp. 181–200. DOI: 10.1111/imig.12617
3. Abdelwahed A., Goujon A., Jiang L. The Migration Intentions of Young Egyptians. *Sustainability*, 2020, vol. 12, iss. 23, pp. 1–38. DOI: 10.3390/su12239803
4. Murashchenkova N. V. Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk. *Social Psychology and Society*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 77–93 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2021120106
5. McAuliffe M., Khadria V. World Migration Report 2020. Migration and migrants: A global overview. In: *International Organization for Migration*. Geneva, 2020, pp. 498.

6. *Migratsiya Rosstat: ofitsialnyi prirost i ubyl' naseleniya / Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. 2020* (Migration Rosstat: official growth and decline of the population / Federal State Statistics Service. 2020). Available at: <https://rosinfostat.ru/migratsia/#:~:text=Accordingto%20data%20federal%20statistics%2C%20b,in%20th%20count%20and%20the labor> (accessed 30 April 2021) (in Russian).
7. *VTSIOM: kazhdyi shestoy rossiyarin khochet emigrirovat' / Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya. 2020* (A-RCSPO: every sixth Russian wants to emigrate / All-Russian Center for the Study of Public Opinion. 2020). Available at: https://www.znak.com/2020-0908/vciom_kazhdyy_shestoy_rossiyarin_hochet_emigrirovat (accessed 23 April 2021) (in Russian).
8. Carling J. Measuring migration aspirations and related concepts. In: *Mignex Background Paper*, 2019. Available at: <http://www.mignex.org/d023> (accessed 23 April 2021)
9. Rybakovskiy L. L. K utocnheniyu ponyatiya «migratsiya naseleniya» (To clarify the concept of “population migration”). *Sociological Studies (Socis)*, 2016, no. 12, pp.78–83 (in Russian).
10. Kuznetsova S. A. Time Prospects and Migratory Attitudes of Magadan Students at Different Stages of Education. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 67–78 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78
11. Kuznetsova S. A., Kuznetsov I. Yu., Feshchenko A. V. Working Out Migratory Attitudes Scale of Personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2014, no. 1. pp. 83–90 (in Russian).
12. Kuznetsova S. A. Influence of parents on migratory educational intentions of senior pupils. *European Social Science Journal*, 2017, no. 5, pp. 529–537 (in Russian).
13. Dzhanashia A. Z. Basic approaches to the definition of intention in modern psychological research. *Bulletin of the MDU named after A. A. Kulyashov*, 2018, no. 1 (51), pp. 70–77 (in Russian).
14. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behavior: The reasoned action approach*. New York, Psychology Press, 2010. 180 p.
15. Lyanov I. M., Vereshchagina M. V. Motives and motivational attitudes of emigration of citizens from Russia. *Educational bulletin «Consciousness»*, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 24–30 (in Russian). DOI: 10.26787/nydha2686-6846-2021-23-1-24-30
16. Yijälä A., Jasinskaja-Lahti I. Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland. *International Journal of Intercultural Relations*, 2010, vol. 34, iss. 4, pp. 326–339. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2009.09.002
17. Fouarge D., Özer M. N., Seegers P. Personality traits, migration intentions, and cultural distance. *IZA DP*, 2019, no. 12444, pp. 1–38.
18. Van Dalen H. P., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–2010. *Population Studies: A Journal of Demography*, 2013, vol. 67, iss. 2, pp. 225–241. DOI: 10.1080/00324728.2012.725135
19. Liu Y., Pan Z. L., Liu Y. Q., Chen H. S., Li Z. G. Where your heart belongs to shapes how you feel about yourself: Migration, social comparison and subjective well-being in China. *Population Space and Place*, 2020, vol. 26, iss. 7. DOI: 10.1002/psp.2336
20. Schiele M. Life satisfaction and return migration: analysing the role of life satisfaction for migrant return intentions in Germany. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021, vol. 47, iss. 1, pp. 110–129. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1763786
21. Akanle O., Fayehun O. A., Adejare G. S., Orobome O. A. International Migration, Kinship Networks and Social Capital in Southwestern Nigeria. *Journal of Borderlands Studies*, 2021, vol. 36, iss. 2, pp. 319–332. DOI: 10.1080/08865655.2019.1619475
22. Tutu R. A., Busingye J. D. Migration, Social Capital, and Health: Insights from Ghana and Uganda. In: *Global Perspectives on Health Geography*. Springer, Cham, 2020, pp. 23–28. DOI: 10.1007/978-3-030-24693-8_2
23. Chuvashov S. V. Socio-Psychological Capital as a Factor of Emigration Intentions in Youth. *Psychology. The Journal of the Higher School of Economics*, 2014, vol. 11, no. 2, pp. 169–177 (in Russian).
24. Iqbal K., Wang Y. C., Khurshaid K., Haroon Shah M., Sohaib M. Current Trend and Determinants of Intentions to Migrate: Evidence From China. *SAGE Open*, 2021, vol. 11, iss. 1. DOI: 10.1177/21582440211001371
25. Tartakovsky E., Schwartz Sh. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*, 2001, vol. 36, iss. 2, pp. 88–99. DOI: 10.1080/00207590042000100
26. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews. *International Journal of Intercultural Relations*, 2017, vol. 59, iss. 1, pp. 53–67. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.05.002
27. Schwartz Sh. H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, vol. 58, no. 5, pp. 878–891. DOI:10.1037/0022-3514.58.5.878
28. Schwartz Sh. H. Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications [Basic human values: theory, measurement, and applications]. *Revue française de sociologie*, 2006, vol. 47, no. 4, pp. 249–288. DOI: 10.3917/rfs.474.0929
29. Schwartz Sh. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Ficher R., Beierlin C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist G. E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012, vol. 103, no. 4, pp. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393
30. Titov A. S., Lepshokova Z. H. Individual values of entrepreneurs as predictors of their planned charitable behavior. *Organizational Psychology*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 140–163 (in Russian).
31. Skimina E., Cieciuch J., Strus W. Traits and values as predictors of the frequency of everyday behavior: Comparison

- between models and levels. *Current Psychology*, 2021, vol. 40, no. 1, pp. 133–153. DOI: 10.1007/s12144-018-9892-9
32. Ahmad W., Kim W. G., Anwer Z., Zhuang W. Q. Schwartz personal values, theory of planned behavior and environmental consciousness: How tourists' visiting intentions towards eco-friendly destinations are shaped? *Journal of Business Research*, 2020, vol. 110, pp. 228–236. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.01.040
 33. Leong C.-H. The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore. In: Tarkovsky E., ed. *Immigration: Policies, challenges, and impact*. Hauppauge, New York, Nova Science Publishers, 2013, pp. 29–49.
 34. Magun V., Rudnev M. Life Values of the Russian Population: Similarities and Differences in Comparison to other European Countries. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 2008, no. 1, pp. 33–58 (in Russian).
 35. Gritsenko V. V., Murashchenkova N. V., Efremenkova M. N. Representation of the Motives of Emigration of Modern Russian Youth among Smolensk Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 358–366 (in Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-4-358-366
 36. Gajdošova B., Orosova O. Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students. *Československá Psychologie*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 249–264.
 37. Korzh N. V. The main directions of the formation of patriotic consciousness of student youth: regional aspect. *Vlast' [Power]*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 123–130 (in Russian). DOI: doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7925
 38. Selezneva E. V., Gallery I. Psychological portrait of modern youth: cultural-invariant characteristics. *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)*, 2019, no. 2, pp. 141–155. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed 17 March 2021) (in Russian).
 39. Choi K., Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Comparative analysis of the relationship between values and socioeconomic representations of Korean and Russian students. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2017, no. 3, pp. 101–107 (in Russian).
 40. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Bogdan I. V. Universalism of Student Youth Values and the Development of Russian Society. *Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 97–109 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109
 41. Fedotova V. A. Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People. *Social Psychology and Society*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 82–92 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2016070206
 42. Levickaya T. E., Trenkaeva N. A., Kozlova N. V., Bogomaz S. A., Tskhmeystruk E. A. Safety in the structure of values of young people living in an urban environment. *Social Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 20–33 (in Russian). DOI: 10.17759/psylaw.2018080403
 43. Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu. An intent regarding possible emigration and personality security. *National Psychological Journal*, 2013, no. 2 (10), pp. 17–24 (in Russian).
 44. Sekach M. F., Mostikov S. V. Risk readiness and psychological security as predicates of migration intentions. *Human Capital*, 2017, no. 1 (97), pp. 11–13 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.04.2021, после рецензирования 02.07.2021, принята к публикации 09.09.2021
 Received 23.04.2021, revised 02.07.2021, accepted 09.09.2021